

О ХУДОЖНИКЕ НАШИХ ДНЕЙ

1.

Каждый новый этап в жизни нашей страны, а следовательно, и новый поворотный этап в жизни искусства, заставляет глубже воспринимать великие Ленинские заветы, которые мы постоянно помним, думая о настоящем: искусство должно принадлежать народу. Огромное содержание заключено в этих словах, определенных по существу и предназначению нашего искусства, и весь путь его развития, и место художника во всемирной созидательной деятельности.

«Все мы народ...» — сказал от имени русской художественной интеллигенции А. П. Чехов. Его слова приобретают особенно глубокий, точный и прямой смысл сейчас, в условиях социалистического строя, когда каждый из нас, деятелей искусства, испытывает великую гордость от сознания, что дело, которому мы себя посвятили, признано всей страной делом общенародного значения, что мы нужны народу в его труде и борьбе, что нам дано видеть и понимать мир, жизнь, живую современную историю так, как видит и понимает их ум, сердце, душа народа.

В наше время, когда страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества, еще более прекрасным и высоким становится призвание советского художника. Его место там, где реальные дела людей труда приближают коммунистическое будущее, делают осязаемо близкой извечную мечту человечества о лучшей жизни. Его предназначение — создание истинной картины времени, очевидцем и участником которой он сам является, в произведениях ярких, вдохновенных, глубоких. Важно только не опоздать, успеть увидеть то новое, что рождается сегодня, разглядеть живые черты героя наших дней, охватить великий смысл событий, происходящих в наш век, век социализма и коммунизма.

Очень хорошо и очень точно сказано в постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»: «...именно высокая коммунистическая идейность, неразрывная связь с практикой коммунистического строительства и жизнью народа позволяет интеллигенции наиболее полно проявить свою роль в советском обществе».

Да, действительно трудно художнику решать главную свою задачу — воспитание человека будущего, если сам он не обладает передовым мировоззрением, «не дотягивает» в своем понимании жизни до уровня изображаемых им героев. Перед истинным художником постоянно стоит задача расширения своего видения мира, вникания в движущие его развитием закономерности и идеи.

В этой связи не могу не вспомнить один поразительный пример, связанный с последними годами жизни Б. С. Станиславского. Все, казалось, было сделано к тому времени великим мастером и учителем русской сцены. Написаны книги, сформулированы идеи и положения, открывшие новую эпоху в развитии мирового театрального искусства. Но жажда познать новое, глубоко осмыслить философские идеи, воодушевившие народы родной страны на невиданное напряжение, расцвет творческих сил, на прекрасную романтику героического труда, преобразующего лицо земли, не покидала Станиславского до последних дней жизни. Большой, прикованный к своей квартире в Леонтьевском переулке, он берет за изучение философии диалектического материализма, с необыкновенной тщательностью, так характерной для него, конспектирует философские труды, ведет записки, делает заметки. В процессе этого Станиславский, вероятно, сделал для себя новое, — выразился его излюбленными словами, — «поразительное открытие», причем открытое в самом главном — в постижении законов развития того общества, о котором только мечтали лучшие умы человечества.

Выступая на Третьем съезде комсомола, В. И. Ленин произнес прекрасные слова: «Если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно. Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше, но если человек будет говорить, что он коммунист и что ему и знать ничего не надо прочного, то ничего похожего на коммуниста из него не выйдет». Вспоминаю эти слова сейчас, я думаю о том, через какие же знания, через какой жизненный опыт нужно было пройти вместе с народом каждому из нас, чтобы по праву носить гордое звание: советский художник. Думаю и о том, что любящие знания обернутся формальной и мертвой эрудицией, если не будут повернуты к жизни, не будут озарены ясным, передовым мировоззрением. Ибо только оно даст художнику чуткое ухо, острый глаз и горячее сердце, широко открытое для всего нового в жизни.

2.

Вряд ли нужно доказывать, какую выдающуюся роль в формировании гармоничного человека будущего, в воспитании в нем глубоких и благородных чувств играет музыка с ее способностью вызывать живой, непосредственный эмоциональный отклик, прямо воздействовать на формирование духовного мира людей, возвышать их этически и пробуждать в активном действии. Слушая бессмертные бетховенские творения, Ленин сказал, что музыка вызывает доброе чувство к людям. А сам Бетховен, обращая свое искусство к миллионам, предельно ясно и просто выразил мысль о главном назначении музыки: от сердца к сердцу...

Большая честь для советского композитора, музыканта заключена в том, что он является прямым наследником гуманистического искусства великих композиторов-демократов прошлого, твердо держит знамя человечности, глубокой сердечности музыки, обращенной к сердцам миллионов современников. Мы горды тем, что Коммунистическая партия рассматривает музыкальное творчество как одно из могучих средств воспитания народа, что, прямо и открыто разделяя коммуни-

Д. ШОСТАКОВИЧ

стическое мировоззрение, мы едины с партией во взглядах на содержание, роль и главную цель искусства.

Нам незачем скрывать это полное единство, как и то, что нам дороги, для нас незыблемы принципы партийности советского искусства. Ибо, разделяя их, мы вместе с партией говорим, что как настоящее, так и будущее принадлежит подлинной музыке — искусству большого общественного содержания и высокого гуманизма; искусству, которое объединяло бы людей, а не разъединяло их, обращалось бы к широкой массам, к народам, а не к узкой кучке эстетов и снобов; искусству, которое воспитывало бы в людях благородные душевные чувства и тонкое понимание красоты.

И когда еще за рубежом находятся люди, пытающиеся доказать — из открытой политической враждебности или по наивному, чисто детскому заблуждению, — что принципы социалистической эстетики есть догма, насилюющая творческую индивидуальность художника, то хочется спросить их: а какую же «музыкальную веру» они собираются противопоставить принципам нашего искусства, в чем заключена «широта эстетики» всевозможных современных музыкальных течений, по недоразумению именуемых «авангардными». Ответить на этот вопрос нам будет нетрудно, да в сущности на него уже давно ответили и все прогрессивные композиторы западных стран, не говоря уже о широкой публике, истинных ценителей музыки, с пренебрежительной иронией отвернувшихся от беспочвенных, грубо формалистических экспериментов, не имеющих ничего общего с искусством.

В историческом процессе развития музыки не было еще столь догматичной, иссушающей системы, чем так называемая додекафонная музыка. Построенная на математических расчетах, искусственно сконструированная, она убила душу музыки — мелодию, она разрушила форму, красоту гармонии, богатство естественных ритмов, уничтожив вместе с этим какой-либо намек на содержательность, человечность музыкального произведения. Додекафония не имеет не только будущего, но и даже настоящего; это всего лишь «мода», которая уже проходит. И она сама, и порожденные ею «новейшие» течения вроде пуантелизма, как и рядом существующая электронная или конкретная «музыка», давно уже вышли за пределы искусства вообще.

И не стоило бы вовсе говорить об этих проявлениях дурной «моды», если б не «эстетика», питающая их хилое прорастание. Как нельзя более определенно она выражена одним из самых энергичных последователей додекафонного стиля: «Страх одиночки становится каноном новой эстетики искусства». Эта «новая эстетика» — порождение старого мира, навсегда уходящего в прошлое. Ее создали люди, которые страшатся настоящего и не верят в будущее, люди, которые делают преступную попытку запутать прекрасный язык музыки, ясный и понятный каждому, не требующий перевода, и превратить этот язык из средства объединения в средство разъединения людей.

Вот и вся в сущности «философия» западного «музыкального авангарда», представителям которого, при всей их склонности к шумихе и саморекламе, никогда не удастся заинтересовать своей продукцией сколько-нибудь общественно значительную часть слушателей. И эти самодовольные индивидуалисты, а то и просто отъявленные дельцы от искусства, пустившиеся в бессмысленные эксперименты из-за отсутствия творческой фантазии или потому, что им нечего сказать людям, не перестают кричать о «догмах партийного руководства советской культурой», о «стеснении личности советского художника», якобы лишенного права на эксперимент, поиски, проявление своей индивидуальности.

Мы и не скрываем того, что не признаем права на бесплодный формальный эксперимент, на проповедь своим искусством пессимизма, неверия, человеконенавистнических идей, порожденных разгулом индивидуализма современного буржуазного мира. Но это «право» и не нужно было у нас отбирать; мы, художники нового мира, сами лишили себя жалкой участи поставщиков выхолощенного «искусства», дегуманизацией которого так кичатся современные столпы западного «музыкального авангарда».

Борясь вместе с партией за идейную чистоту и художественное совершенство нашего музыкального искусства, мы нашли единственно верный путь — путь к сознанию произведений, глубоких по содержанию, разных по стилю и доступных широким массам слушателей. И этот путь избран не по указке, а по велению сердца художника, опущающего себя сыном своего народа, гражданином своей социалистической страны, наследником и продолжателем высоких демократических традиций своей национальной культуры. Сознание важности своего труда, стремление познать и воспеть современность открывают для каждого советского композитора широчайшие горизонты, рождает в нем замечательное ощущение новизны музыкального стиля, потребность в смелом и плодотворном поиске.

Мы говорим о ярко выраженном современном стиле советской музыки, обладающем своими неповторимыми чертами. Но как многообразно, глубоко индивидуально претворены эти общие черты в музыке С. Прокофьева и Н. Мясковского, А. Хачатуряна и Г. Свиридова, Ю. Шапорина и Л. Кабалевского, Т. Хренникова и В. Соловьева-Седого, К. Караева и Ш. Мшвельдзе, А. Штогаренко и Н. Жиганова, М. Зарина и М. Бурханова, — упоминаю эти имена, разумеется, не в порядке полного перечисления всех наших замечательных музыкантов, а лишь в виде примера.

Ярчайшую индивидуальность С. Прокофьева, А. Хачатуряна или, скажем, талантливого мастера А. Лавиленко, так неповторимо проявившего себя в области хорového и песенного творчества, мы распознаем по двум — трем тактам, их музы-

ка. А вот сколько бы я ни слушал «музыкальные откровения» Веберна, Штокгаузена, Булеса, Шеффера в прочих апостолов западного модернизма, отличить их одного от другого невозможно, все они «на одно лицо». Полнейшая оторванность от истинных запросов времени, погоня за модой, унижительная для талантливого человека, окончательно завели в творческий тупик И. Стравинского, композитора, чьи ранние произведения, как и некоторые более поздние искания, представляют несомненную ценность для музыки.

Модернизм с его мертвенными идеями и формально-технологическими догмами нивелирует творчество, губит индивидуальность художника. Тем большего уважения заслуживают те композиторы современного Запада, которые вопреки кричащей «музыкальной моде» отстаивают принципы настоящего искусства, способного вызвать у слушателей ответный отклик, заставить их задуматься над важными и сложными проблемами. Мы видим такое искусство в лучших, наиболее ясных по мысли и форме произведениях Б. Бартока, Б. Бриттена, А. Онеггера, Г. Вилла-Лобоса, Д. Мийо, Ж. Вьенна, Ж. Орика, Ф. Пуленка, Л. Дюрея, К. Орфа, С. Барбера и других композиторов. Именно такие произведения и являются, на мой взгляд, подлинным авангардом современного зарубежного искусства.

3.

В нашей стране можно наблюдать замечательное явление, о котором мечтали лучшие художники прошлого: у нас расцветает дружба критика с критикуемым, основанная на взаимном уважении, на суровой требовательности друг к другу.

Примеры такой критики, направленной на поощрение художника, на верное, плодотворное развитие его творческой инициативы, постоянно дает нам партия. В партийных документах, посвященных вопросам развития советской художественной культуры, я всегда видел и вижу прежде всего позитивную программу, помогающую нам еще успешнее работать, яснее видеть свою цель.

Горячим вниманием к искусству, к его людям наполнена была недавняя встреча руководителей партии и правительства с деятелями советской культуры. Как и предыдущие встречи, ставшие уже традиционными, она оставила глубокий след в наших сердцах. В выступлениях Н. С. Хрущева всегда подчеркивается источник силы нашего искусства: его неразрывная связь с жизнью народа. Нам дорого и то, что партия постоянно говорит о необходимости бережного и уважительного отношения к таланту. На последней встрече М. А. Суслов, выступая от имени Центрального Комитета партии, говорил, в частности, о том, что критика должна быть заботливой и внимательной, ясно понимать реальные трудности, которые встают на пути художника, уметь видеть и радоваться тому, что ему удалось сделать и наряду с осуждением плохого поддерживать все доброе, сделанное в литературе и искусстве. Эта забота партии окрыляет нас и ко многому обязывает. Мы должны быть чуткими к любому серьезному творческому намерению своих товарищей по искусству, не выносить столь же суровых, сколь и скороспелых приговоров, чего, увы, не удается избежать порой ни критикам, ни нам, композиторам. И все же, поддерживая все новое и ценное, мы ни в чем не должны делать скидок на тему, уступок дурному вкусу, инертности творческой мысли.

Гордясь успехами советской музыки, мы видим и серьезные недостатки, тормозящие ее рост. В песне, в музыке массовых жанров — это безудержный штамп, потакание мешанине и обывательщине, в жанрах более крупных — общие места, заимствованные из чужих партитур, наполнение серьезной, большой темы тусклой и невыразительной музыкой. И пусть с каждым годом таких произведений будет все меньше, мы не вправе равнодушно проходить мимо них, прощая их авторам отсутствие смело выраженных живых впечатлений жизни, слабость мастерства.

В большом искусстве не существует автономии идейности от художественности или наоборот. Идеалом для нас является художник прогрессивной мысли и высокого мастерства.

И еще хочется сказать об одном. Рост нашего социалистического искусства самым непосредственным образом зависит от духовного развития всего народа. Конечно, главная наша обязанность — содействовать этому развитию созданием произведений, духовно обогащающих людей, помогающих им воспитать в себе высокие чувства, благородные стремления. Но не только в этом наша задача.

Многие композиторы и музыканты горячо принялись сейчас за работу в народных университетах культуры, в самодеятельных коллективах рабочих и колхозных клубов, в хоровых обществах. Для оказания помощи в налаживании культурного быта на новостройках страны выехало около 20 бригад, состоящих из композиторов-молодежи. Молодые музыканты Киева взяли под «эстетический контроль» музыкальный быт родного города. Это всего лишь отдельные примеры, которые без труда можно продолжить.

И все же мы еще очень мало сделали в области, прямо относящейся к развитию массовой музыкальной культуры в стране. Мы миримся с крайне слабой постановкой музыкального воспитания ребят в начальной школе. Рабочим дворцам культуры и колхозным клубам недостает квалифицированных руководителей, нет достаточного количества пособий, нот, книг по музыке. Из рук вон плохо обстоит дело с пропагандой хороших музыкальных произведений посредством граммофонных пластинок. И расцвет не прямая обязанность всех композиторов, их творческих союзов непосредственным участием, горячим словом, активным действием устранив все эти и многие другие барьеры, мешающие людям приобщиться к музыкальной культуре, к пониманию прекрасного мира музыки!

Композиторам, как и всем деятелям советской культуры, принадлежит большая роль в великом деле воспитания человека коммунистического общества. Быть достойным этой задачи — почетный и радостный долг каждого из нас.